

Мультимодальное взаимодействие: исследовательские возможности применения конверсационного анализа

*По итогам международной конференции
по конверсационному анализу,
Мангейм (Германия), лето 2010 г.*

*Анна Турчик**

Аннотация. Обзор посвящен одной из современных тенденций в области конверсационного анализа — изучению мультимодального взаимодействия. В основе обзора — материалы международной конференции по конверсационному анализу (ICCA-10), посвященной мультимодальному взаимодействию. Автор повествует об темах, затронутых в ходе обсуждений на секциях, а также об основных направлениях исследований в области изучения мультимодального взаимодействия.

Ключевые слова. Конверсационный анализ, мультимодальное взаимодействие, ICCA-10.

Методологический аппарат конверсационного анализа (conversation analysis, далее — СА) становится все более разнообразным и сложным. Во многом это обусловлено значительным расширением области применения СА как теоретически-прогрессивного метода изучения «механики» взаимодействия. Если лингвисты все в большей степени склонны углубляться в детали, разбирая реплику за репликой буквально на наночастицы, то более контекст-ориентированные исследователи стремятся к видению целостной, многомерной и невероятно сложной ситуации взаимодействия *per se*, порой и вовсе размывая границы между речью, невербальным поведением и материальным сопровождением ситуации взаимодействия лицом-к-лицу.

Специалисты в области HCI¹ и технологий обращаются к методологии СА для изучения особенностей взаимодействия человека и техники, социогеографы — способов ориентации в пространстве, отдельную нишу занимают так называемые исследования рабочих мест (workplace studies), в рамках которых внимание конверс-аналитиков и этнометодологов приковано к особенностям организации разговора-взаимодействию (talk-in-interaction) в контекстах рабочих мест, также связанных с взаимодействием участников с материальными объектами и всевозможными технологиями. Кроме того, уже несколько десятилетий методологические принципы СА успешно используются для изучения взаимодействия во всевозможных институциональных контекстах (медицинские, образовательные, правовые и прочие учреждения).

* Турчик Анна Васильевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ, annaturchik@gmail.com

© Турчик А., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1. HCI (Human-Computer Interaction) — междисциплинарная область исследования, связанная с изучением взаимодействия человека и компьютера.

Очевидно, что для решения подобных задач аудиозаписи все чаще становятся недостаточно. Чрезвычайная сложность разговорного поведения не может быть «схвачена» лишь за счет многократного прослушивания аудиозаписи, какой бы качественной она ни была и каким бы детализированным ни оказался впоследствии транскрипт. Поэтому обращение к видеозаписывающим устройствам — весьма логичный шаг в развитии исследовательской методологии СА, продуктивный и эффективный способ фиксации многомерности, мультимодальности коммуникативной ситуации. Использование видеофрагментов для СА анализа стало практически столь же обыденной практикой, как когда-то аудиозапись.

Развитие и усовершенствование современных видеозаписывающих устройств позволяет иначе подойти к пониманию ситуации взаимодействия и изучению ее как сложной, многомерной ситуации, для реализации которой требуется задействовать различные ресурсы коммуникации. Методология конверсационного анализа, изначально призванная обратить внимание на последовательностную организацию высказываний естественным-образом-происходящего разговора, постепенно расширяет свои границы до изучения организации телесно-разговорного взаимодействия, привлекая к анализу все возможные аудиовизуальные подробности. Помимо последовательностной (sequential) структуры *вербального* взаимодействия исследователей всё больше интересуют различные одновременно сосуществующие модусы взаимодействия: как речь инсталлируется в телесные движения, каким образом во взаимодействии одновременно сосуществуют слова, жесты, мимика, манипуляция объектами и т. д., в конечном счете преобразовываясь в единое социальное действие.

Вместе с тем подобный «шифт» конверсационного анализа в сторону аудиовизуальной методологии ставит целый ряд вопросов, начиная с методического уровня (каким образом возможно «инкрустировать» транскрипт видеофрагментами/кадрами, как кодировать/кадрировать данные видеофрагмента) и заканчивая фундаментальными теоретическими вопросами относительно того, что есть социальное действие в ситуации речевого многомерного взаимодействия (прежде всего лицом-к-лицу), как телесная ориентация в пространстве и манипуляция материальными объектами инкорпорируются в систему обмена реплик (speech-exchange system) и др. Кроме того, в связи с «курсом на мультимодальность» некоторые изменения претерпевают и базовые теоретические понятия конверсационного анализа. Например, понятие «проекция действия», столь значимое на начальном этапе развития конверсационного анализа, вновь появилось на академической арене благодаря ориентации на мультимодальный модус анализа. «Проекция действия» — ключевой ресурс для организации действия, поскольку именно он позволяет взаимодействующим публично, в режиме здесь и сейчас, управлять «разворачивающейся» реализацией того, что было спроецировано. Это наблюдаемый феномен, необходимый для согласования участниками действий. В свою очередь, ситуативно-локализованные согласования действий необходимы в любой ситуации взаимодействия, и в любой подобной ситуации у участников есть альтернатива: они могут с помощью тела, жестов и реплик перепроектировать действие в самом процессе взаимодействия.

Изначально в рамках конверсационно-аналитической перспективы было принято толковать «прагматическое» действие в привычных лексических терминах, скажем, «при-

глашение» или «приветствие», и трактовать его как гомогенное самостоятельное целое. Однако на современном этапе развития СА исследовательская перспектива несколько изменилась, позволив тем самым обозначить новую постановку вопроса: в какой степени прагматические действия являются семиотически гетерогенными в своей организации? Еще более тонкий вопрос состоит в следующем: когда мы конструируем свои действия посредством единовременного участия нескольких ресурсов коммуникации, то как мы это координируем, согласовываем? И эксплицируем ли мы как-то, рефлекслируем и относимся ли к этим действиям как к сконструированным именно таким образом?

Одна из попыток упорядочить вопросы и предложить возможные варианты теоретико-методологических решений, а также поделиться собственным исследовательским опытом с коллегами была предпринята в рамках третьей международной конференции по конверсационному анализу (далее ICCA²) в июле 2010 года в Мангейме (Германия). Конференция была полностью посвящена вопросам мультимодального взаимодействия, что обозначено и в самом её названии: «ICCA-10: Мультимодальное взаимодействие».

Это значимое для академического сообщества конверсаналитиков (а также некоторых этнометодологов) мероприятие каждые четыре года собирает исследователей со всего мира с тем, чтобы поделиться результатами последних исследовательских проектов, обсудить наиболее актуальные вопросы, установить партнерские отношения с коллегами из релевантных исследовательских областей, обменяться новинками литературы и пр.

Учредительным событием в мире СА можно считать первую встречу исследователей в Копенгагене в 2002 году³. Спустя два года эстафету принял Хельсинки⁴. В прошлом году в Мангеймском дворце (где ныне располагается университет) собрались более 600 представителей различных областей знания (лингвистики, социологии, культурологии, медицины, компьютерных технологий и т. д.) со всего мира. Для сравнения отметим, что первая конференция насчитывала не более двухсот участников.

Ежедневно заседание открывалось пленарным докладом, содержание которого задавало контекст последующих панелей конференции. Слово предоставлялось наиболее значимым фигурам в исследовательском мире СА, в частности, в области изучения мультимодального взаимодействия. Не обходились без лиц мирового масштаба и секционные заседания. Пожалуй, «звездность» участников конференции сравнима лишь с красной дорожкой голливудского «Оскара»: Джон Херитидж и Дуглас Мэйнард, творческий союз Кристиана Хита и Пола Лаффа, Чарльз Гудвин с супругой Марьори Гудвин, одна из самых продуктивных исследовательниц последних лет Лоренца Мондада, а также Пол Дрю, Джек Сиднел, Таня Стиверс, Эн Уизэрел, Чарльз Антаки, Эрик Лурье, Джин Лернер и многие другие.

2. ICCA — International Conference on Conversation Analysis. Сайт конференции 2010 года: <http://www.icca10.org/>

3. Страничка конференции ICCA-02 в Интернете: <http://www.conversation-analysis.net/conf2002/>

4. Тема конференции ICCA-06 «Конверсационный анализ. Сравнительные перспективы». Страничка конференции в Интернете: <http://www.helsinki.fi/hum/skl/icca/>

Ключевым моментом конференции можно считать пленарный доклад профессора Университета Калифорнии (UCLA) Ч. Гудвина⁵ «*Конструирование действия путем сочетания разнородных ресурсов*» (Building action by combining unlike resources), в котором он подчеркнул, что детальный анализ ситуации взаимодействия позволяет обратить внимание на «эндогенные» социальные практики, инкорпорированные в непрерывный поток сменяющих друг друга реплик. Действие, таким образом, производится путем объединения различных по своей природе ресурсов (речь, невербальные семиотические ресурсы, «материальное сопровождение») в ситуативно-контекстуальную конфигурацию, где они могут обоюдно конкретизировать и дополнять друг друга с тем, чтобы создать некое целое, отличное и в то же время большее, чем его конституирующие части (Goodwin, 2000: 1–3; 2007). На примере работы археологов Гудвин показывает, как детальный анализ используемых взаимодействующими определенными локальными сообщества мультимодальных практик для воспроизводства их повседневной деятельности дает возможность изучать языковое поведение, сознание, социальную организацию и телесность с позиции интегрированной исследовательской оптики.

Идея мультимодальности социального действия и взаимодействия стала лейтмотивом всех последующих секционных заседаний, отдельных лекций, а также тренингов и семинаров: в рамках одних предметом дискуссии выступала сама идея мультимодальной природы взаимодействия лицом-к-лицу, в рамках других — неким методологическим фоном, нежели предметом дискуссии. Междисциплинарный характер секций был очевиден: проблемы многомерности взаимодействия затрагивались в области социальной эпистемологии, лингвистики/нейролингвистики, психологии, медицины, новейших технологий и др. Различные исследовательские направления конверсализации были представлены на более чем 35 секционных заседаниях. Имеет смысл подробнее рассказать о некоторых из них, отражающих «трендовые» направления СА, в рамках которых обсуждались современные категории конверсационного анализа и актуальные исследовательские проблемы.

Одной из «аншлаговых» была секция под руководством Ч. Гудвина и К. ЛеБарона «**Действие во взаимодействии: соучастие разговора, тела, обстановки и действия**» (Action in interaction: the mutual elaboration of talk, body, setting and activity). Обращаясь к тщательному анализу незначительных по продолжительности видеофрагментов повседневности (от 20 с до 1 мин.), участники пытались ответить на важные методологические и теоретические вопросы. В докладе «Мультимодальный транскрипт: анализируя координацию речевых и визуальных аспектов действия» затрагивались методологические аспекты изучения мультимодальности. На примере видеофрагментов, записанных во время хирургической операции, авторы стремились показать, что именно и как можно извлечь из таких данных, каким образом подобный способ визуально-детерминированной коммуникации (реплика хирурга — действие ассистента — реплика хирурга) может быть представлен в визуальном формате транскрипта. Были поставлены и более фундаментальные, теоретические вопросы мультимодальности взаимодействия: возможно ли структуру действия распределить

5. Charles Goodwin. Домашняя страница: <http://www.sscnet.ucla.edu/clic/cgoodwin/>

между отдельными участниками, высказываниями или отдельными семиотическими полями? Каким образом участники ориентируются на выстраиваемую локальными действиями структуру деятельности, которая является для них наблюдаемой и последовательной? Может ли действие, даже самое простое, быть адекватно описано в какой-либо аналитической рамке, которая фокусируется на каких-либо отдельных системах, в изоляции от мультимодальности? Ответы на эти вопросы можно попытаться обнаружить в тончайшем описании того, каким образом конструируется действие посредством одновременного задействования целой серии «смыслообразующих» ресурсов. Лоренца Мондада⁶, одна из наиболее активных исследователей, занимающихся проблематикой мультимодального взаимодействия, представила детальный анализ городского собрания: «Организация участия: телесный (embodied) выбор из множества говорящих». Акцент был сделан на том, как руководитель собрания с помощью жестов, взглядов и слов выбирает следующего говорящего из множества желающих, а также на анализе пространства взаимодействия, постоянно изменяющегося и формирующегося посредством расположения говорящих, их взаимориентации, направления взглядов и жестов по мере «развертывания» разговора. Развивая некогда предложенное Х. Саксом понятие «очередности» (turn-taking), Мондада акцентирует внимание на такой его характеристике, как мультимодальность, и подчеркивает значимость «зримости» практик организации очередности.

Вместе с тем даже самая очевидная «зримость» практик не позволяет уловить сложность и богатство повседневного взаимодействия. Очевидность данного тезиса стремились показать П. Лафф и К. Хит в сообщении «Разбор и пересборка последовательности в действии» (Disassembling and reassembling sequence in action). На примере изучения взаимодействия в условиях использования «Agora» и «T-rooms»⁷ — систем, имитирующих взаимодействие лицом-к-лицу, исследователи ставят под вопрос применимость понятия «мультимодальность», поскольку оно подразумевает определенные модусы понимания социального действия и его ситуативного исполнения. Авторы подчеркнули, что анализ поведения и взаимодействия в этих новых пространствах обнаруживает ряд ресурсов, на которые опираются участники взаимодействия, чтобы сформировать согласованность действия во взаимодействии, а также отметили ограниченность нашего сегодняшнего понимания того, как участники выполняют «референтные» действия в более повседневных контекстах.

Еще одна область конверсаналитических исследований, связанная с телесными и пространственными характеристиками взаимодействия, — область взаимодействия в условиях мобильности. Эту нишу конверсаналитики не без помощи этнометодоло-

6. С научными интересами и текущими проектами Л. Мондады по мультимодальности взаимодействия можно ознакомиться на ее страничке в Интернете: <http://icar.univ-lyon2.fr/membres/lorenza/english/index.htm>

7. Эти системы были разработаны с целью поддержания телесного взаимодействия в условиях, когда собеседники удалены друг от друга. С помощью видео и проективных технологий такие системы позволяют согласовывать и соотносить объекты, участвующие во взаимодействии друг с другом. Подобные технологии трансформируют пространственный и временной порядок действий. Тем не менее во время взаимодействия участники выполняют «пересборку» последовательностей в действие и тем самым наделяют смыслом вклад в коммуникацию собеседников.

гов заняли приблизительно в то же время, когда Урри заявил о новой парадигме мобильностей и необходимости ухода от понятия общества как центрального понятия социологии (Urry, 2000). В 2009 году редакторы «Journal of Pragmatics» анонсировали специальный выпуск под названием «Сообщающиеся место, пространство и мобильность»⁸, где были собраны доклады и сообщения проходившей в 2007 году в Швеции конференции по прагматике⁹.

Секцию «**Мобильная коммуникация: взаимодействие в автомобилях**» возглавили Пенти Хаддингтон и Мирка Рониома (университет Аулу, Финляндия), а также Морис Невилл из Австралийского национального университета. Участники секции, следуя идее «мобильного поворота» (Laurier, 2003; Sheller and Urry, 2006; Urry, 2007), задаются вопросами: каким образом происходит взаимодействие в автомобиле как действие, встроенное в другое действие — вождение; как материальная и пространственная организация автомобиля и его движение в пространстве могут ограничивать или же наоборот способствовать определенной социальной деятельности. Весьма значимым оказался доклад австралийского исследователя, некогда специализировавшегося на взаимодействии в кабине пилота, М. Невилла¹⁰ «Разговор как отвлечение внимания во время вождения: корпус данных»¹¹ (Conversation as distraction in driving: a body of evidence), посвященный «доказательству» того, за счет каких средств и характеристик действий разговоры отвлекают водителя от «академического» вождения. Невилл подробно описывает (на основе аудио- и видеоданных), как реализуется организованная практика «отвлечения» при одновременном задействовании нескольких практик (порой отличных от практик вождения): движения корпусом, направление взгляда, движения руками. Наблюдения Невилла позволили зафиксировать, как водители используют многие семиотические ресурсы, чтобы осмыслить и упорядочить «конкурирующие» требования категории «водитель» и категории «собеседник». Подобные ресурсы включают в себя: последовательностную организацию разговора, положение туловища и его движение в пространстве автомобиля, материальные характеристики и ограничения машины (наличие технических устройств, размеры пространства, наличие еды, предметов развлечения и т. д.), а также постоянно изменяющуюся внешнюю среду. Как и другие участники секции, М. Невилл обратил особое внимание на возможности использования конверсационного анализа как самостоятельного и эффективного метода изучения мобильности.

Несколько иная постановка вопроса звучала в других докладах: как организуются практики в движениях, в условиях, которые сами по себе мобильны. Например, какая социальная деятельность возможна в машине, которая находится в движении? Каким образом организуются взаимодействие в автомобиле, особенно с учётом правил дорожного движения? Как люди, находящиеся в машине, организуют множественную и накладывающуюся друг на друга деятельность? Как организуются деятельность в автомобиле в зависимости от категоризации водителя или пассажира, как может пас-

8. Communicating place, space and mobility

9. <http://www.placeme.hum.aau.dk/>

10. Домашняя страница: <http://cedam.anu.edu.au/people/dr-maurice-neville>

11. Не так давно был опубликован подробный отчет данного исследования, который можно найти здесь: http://www.infrastructure.gov.au/roads/safety/publications/2010/pdf/rsgr_2010001.pdf

сажир участвовать в деятельности водителя, например, в качестве «штурмана»? Интересным с точки зрения такой постановки вопроса оказался доклад Эрика Лурье¹², Бэрри Брауна и Хэйдена Лоример «Нахождение семьей пути во время разговоров-в-путешествии» (The family finding the way: journey-located environmental talk). Авторы проанализировали¹³, как члены семьи, сидящие в машине, обсуждают, ориентируясь на улицы, указатели, дорожные знаки, по какой дороге ехать, как происходит «раздача указаний», по мере того как машина движется по улице и проезжает какие-то физические объекты: дома, перекрестки, магазины и т. д., какие при этом выдвигаются аргументы. Авторы доклада связывают «нахождение пути» с работами по эпистемологии, последовательной организации аргументации и высказывании точек зрения.

Отдельно на секции обсуждался вопрос о роли в процессе мобильного взаимодействия находящихся в автомобиле технических устройств (мобильный телефон, ноутбук, навигатор и т. д.). Таким «точечным», конкретным в отношении «автомобильной» коммуникации можно назвать оригинальное исследование П. Хаддингтона¹⁴ и М. Рониомы «Нажатие зеленой кнопки: деятельность в пространстве автомобиля в промежутке между вызовом (телефона) и ответом» (Hit the green button: in-car activities after the summons and before an answer). Финские исследователи сосредоточились на моменте между вызовом и ответом на звонок мобильного телефона, инкорпорированном в деятельность управления автомобилем, на последовательной реализации и координации во времени процесса вождения и выполнения нескольких действий одновременно в связи с телефонным звонком: обнаружить телефон, взять его в руки, посмотреть на номер, принять решение. Водитель, как правило, не может ответить на телефон в момент, когда он зазвонил, он координирует действие «нажатие на кнопку вызова» с действиями вождения.

Безусловно, изучение взаимодействия во время перемещения в автомобиле является ярким и наглядным примером того, как возможно мультимодальное взаимодействие — координация и единовременное выполнение нескольких действий/практик единовременно.

Поскольку исследование мобильности — одно из мейнстримов современных гуманитарных наук (психологии, географии, философии), участники секции неоднократно подчеркивали возможности использования конверсационного анализа для самостоятельного изучения мобильности, а также обогащения экспериментов, статистических данных и т. д.

На другой секции мультимодальность выступала, скорее, призмой, через которую исследователь смотрит на взаимодействие и его эпистемологические особенности. Секция Д. Херитиджа и Д. Сиднела «**Знание в социальном взаимодействии: права и обязанности**» (Knowledge in social interaction: rights and responsibilities), затрагивающая эпистемологические вопросы взаимодействия, оказалась одной из наиболее многочисленных, а значит, актуальных и интересных. Подобный фокус исследования

12. Домашняя страница: http://homepage.mac.com/eric.laurier/ordinary_life/index.html

13. Часть материалов см. в коллективной статье авторов исследования: Laurier, Lorimer, Noble et al., 2008.

14. Домашняя страница: <http://cc.oulu.fi/~poh/index.html>

взаимодействия сравнительно недавно стал одной из центральных областей для конверсаналитиков. Довольно серьезно в этом направлении работают Джон Херитидж и Джеффри Реймонд из Университета Калифорнии (UCLA), а также Таня Стиверс, Лоренца Мондада¹⁵ и другие.

Сторонники конверсаналитического взгляда на коммуникацию неоднократно замечали, что участники взаимодействия чувствительны к тому, каким образом в разговоре проявляется право на знание чего-либо и на проговаривание этого в последовательности разговора (Drew, 1991; Stivers, 2005). Поведение участников взаимодействия конституирует связь между идентификацией говорящих как применительно друг к другу, так и к локальным распределениям прав и обязанностей по отношению к тому, что каждый из собеседников может знать, как он это знает, имеет ли право на распространение этого знания и какими средствами это выражается в разговоре. Херитидж и Рэймонд (Heritage, Raymond, 2006), ссылаясь на понятие Циммерман и Уолен «практическая эпистемология» (Whalen, Zimmerman, 1990), называют эту более широкую область «эпистемикой социальных отношений» (epistemics of social relations). На примере одного телефонного звонка между двумя подругами Херитидж и Рэймонд показывают область пересечения двух способов организации разговорного поведения: релевантности идентификаций и организации последовательностей, выражающих оценку (Heritage, Raymond, 2006).

Участники этой секции рассматривали целый ряд вопросов, связанных с эпистемикой взаимодействия: каким образом во время разговора собеседники обозначают «доступ к знанию» (эпистемическое превосходство); какова социальная и моральная ответственность за подобное поведение; каким образом вопросы эпистемики взаимодействия становятся частью процесса социальной аффилиации и дисаффилиации. Эти и другие вопросы рассматривались в рамках нескольких перспектив: знание в контексте взаимодействия представляет собой нормативную сферу в том смысле, что собеседники рассматривают друг друга как кого-то, у кого есть определенные обязанности знать определенные факты, существуют определенные ожидания по поводу того, что должен знать собеседник или какой информацией он обладает ввиду определенной власти, наделившей его статусом, идентификацией и т. д.; знание отчасти связано с моральным порядком, которым так или иначе наделен любой разговор. С этой точки зрения интересным оказался доклад Т. Стиверс «*Мораль и дизайн вопросов: „конечно“ как оспаривание предположительной „вопрошабельности“ (askability)*», в котором показано, что в смежной паре (adjacency pair) вопрос—ответ ответ «конечно» является источником предположений о том, что предыдущий вопрос не являлся «вопрошабельным», поскольку не обладал возможным «нет». Однако это не означает, что вопрос не должен быть задан, он может отражать нежелание говорящего ответить «нет» или может быть ответным вопросом говорящему: «как можно было подумать, что я отвечу «нет» (подробнее см.: Stivers, 2011). В докладе Херитиджа и Стиверс «*Территории знания, территории опыта: эмпатические моменты во взаимодействии*» авторы предлагают описание тех ресурсов, которые может использовать собеседник

15. Недавно в свет вышла книга «Моральность знания в разговоре» (Stivers, Mondada, Steensig, 2011). В сборнике представлены тексты ведущих исследователей в области антропологии, социологии и лингвистики, изучающих различные стратегии и практики говорящих.

в ответ на рассказ о личном переживании. Согласно Херитиджу, описание личных переживаний представляется некоторой дилеммой: насколько дистанцированно/вовлеченно следует реагировать на рассказ о переживаниях и каким образом это отражается в структуре разговора.

Исследования эпистемической области взаимодействия охватывают не только англоязычные страны. Можно, в частности, назвать работы Анны Линдстром и Якоба Стинзига об эпистемологической несовместимости в вопрос-ответных смежных парах на примере датского «jo» и шведского «ju»¹⁶, а также Каору Хайано об эпистемической установке во взаимодействии на японском языке.

Помимо секций, где обсуждались сравнительно новые тенденции в области конверсационного анализа, работали секции, на которых рассматривались традиционные, можно сказать, классические темы с акцентом на провозглашенную мультимодальность, а значит, с использованием, как правило, видеофрагментов для конкретного анализа. Так, на нескольких секциях речь шла об особенностях взаимодействия в различных институциональных контекстах и о том, как институциональность «проговаривается» в потоке чередующихся реплик (руководители Ч. Антаки, Р. Уилкинсон), об отдельных понятиях СА, таких как ремонт (repair) и смежная пара (adjacency pair) (руководители С. Китцингер, С. Уилкинсон), о взаимодействии детей, а также пожилых людей (К. Эвальдсон, К. Энглерт и др.), о нарушениях речи (Дж. Рэ и П. Стриблинг) и т. д.

На конференции была предоставлена замечательная возможность поучаствовать в различных СА-сессиях и воркшопах, послушать лекции отдельных мастеров. Автору посчастливилось участвовать в воркшопе Дж. Рэймонда и Д. Лернера «**Свободные методы последовательностного анализа (мультимодального) взаимодействия**» (Mode-free method for the sequential analysis of (multimodal) interaction). В рамках этого семинара опытные исследователи стремились показать, как вообще возможен анализ мультимодального взаимодействия: на что следует обращать внимание, когда одновременно имеют место несколько ресурсов взаимодействия: речь, жесты, движения корпусом, какие действия можно назвать фоновыми, какие — доминирующими, каким образом достигается согласованность действий (action adjustment) нескольких участников взаимодействия. Одним из значимых Рэймонд считает понятие проекции действия — ключевого ресурса для организации действия, поскольку именно оно позволяет публично управлять здесь-и-сейчас-реализацией того, что только что было спроектировано.

Ведущие воркшопа затронули еще одну важную для социологической теории тему — проблему понимания социального действия. Со времен веберовского *Verstehen* эта проблематика не оставалась без внимания исследователей. Приверженцы этнометодологического взгляда на социальный мир неоднократно обращались к пониманию как фундаментальному аспекту взаимодействия в повседневной жизни. Конверсаналитики (как и этнометодологи) подчеркивают временную и последовательностную природу понимания, когда каждой последующей репликой мы раскрываем то, насколько предыдущая реплика оказалась для следующего говорящего

16. «Jo» на датском и «ju» на шведском означают «конечно».

го понятной. Вместе с тем невозможно исследовать локальное воспроизводство понимания без учета всевозможных деталей телесного и материально-опосредованного поведения участников и согласования действий друг друга.

Проблематика понимания социального действия в перспективе мультимодального взаимодействия в какой-то степени вновь позволила объединить ресурсы этнометодологии и конверсационного анализа для решения совместных задач. Отметим, что не так давно в «Journal of Pragmatics» была опубликована подборка статей в специальном выпуске, посвященном пониманию в действии «Understanding understanding in action». В этом номере ведущие СА- и ЭМ-исследователи (Mondada, 2011; Lynch, 2011; Macbeth, 2011) вновь обращаются к вопросу понимания социального действия, отталкиваясь от «грамматического анализа» Витгенштейна и переходя к современным концепциям, оформившимся в рамках этнометодологической и конверсаналитической перспектив.

Помимо собственно аналитических воркшопов на конференции были проведены мастер-классы по освоению современного ПО для транскрибирования, поскольку от качества транскрипта во многом зависит дальнейший результат анализа данных. Т. Шмидт и У. Шютте представили программу FOLKER¹⁷, Д. Вагнер и Л. Мондада работали с системой CLAN¹⁸.

Несмотря на то, что последняя масштабная конференция по конверсационному анализу была посвящена мультимодальному взаимодействию, исследователи стремятся провозгласить анализ мультимодального взаимодействия самостоятельным методом, поставив его в ряд с конверсационным анализом и этнометодологией. Вместе с тем, на наш взгляд, это как раз одна из попыток вернуть СА статус этнометодологически-ориентированного метода, сократить разрыв между этнометодологией и конверсационным анализом и показать, что вербальное взаимодействие и действие в ситуации взаимодействия являются многоресурсным, неразрывным, имманентным источником и способом формирования, поддержания и воспроизводства локального социального порядка.

Особенной конференцию ИССА делают несколько обстоятельств: во-первых, это единственное масштабное мероприятие, посвященное конверсационному анализу в различных областях знания, где собираются исследователи со всей планеты. Во-вторых, здесь можно не только поделиться опытом, представить результаты собственного СА-труда, но и приобрести определенные недостающие навыки, поучаствовав в серии СА-сессий или воркшопах. В-третьих, это просто уникальная возможность окунуться в среду интереснейших, оригинально мыслящих СА-people, в исторический контекст возникновения СА- и ЭМ-традиции. Наконец, что не менее важно, по итогам конференции состоялось открытие Международного общества по конверсационному анализу. Среди целей данного сообщества можно отметить следующие: распространение идей конверсационного анализа по всему миру как подход к изучению социального взаимодействия; взаимодействие с национальными и региональными обществами, изучающими язык и социальное взаимодействие; приглашение и поддержка институционализации конверсационного анализа как академического

17. http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/pdf/18_Paper.pdf

18. <http://talkbank.org/>

поля в университетах, исследовательских институтах на всех уровнях; организация регулярных конференций; организация и поддержка зимних и летних школ и других мероприятий, специализирующихся на разговорном анализе; поддержка студентов и факультетов, предоставляющих обучение разговорному анализу.

Первая встреча членов этого международного сообщества состоялась в последний день конференции, где были приняты некоторые принципиальные решения, в том числе было объявлено место проведения следующего симпозиума по разговорному анализу: он состоится летом 2014 года в UCLA, Калифорния¹⁹.

Литература

- Drew P.* (1991). Asymmetries of knowledge in conversational interactions // *Asymmetries in dialogue* / Ed. by I. Marková and K. Foppa. Hemel Hemstead: Harvester Wheatsheaf. P. 21–48.
- Goodwin C.* (2000). Action and embodiment within situated human interaction // *Journal of Pragmatics*. 2000. Vol. 32. № 10. P. 1489–1522.
- Goodwin C.* (2007). Interactive footing // *Reporting talk: reported speech in interaction* / Ed. by E. Holt, R. Clift. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 16–46.
- Goodwin C.* (2010). Things and their embodied environments // *The cognitive life of things* / Ed. by L. Malafouris and C. Renfrew. Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2010. P. 103–120.
- Heritage J., Raymond G.* (2006). The epistemics of social relations: owning grandchildren // *Language in Society*. 2006. Vol. 35. № 5. P. 677–705.
- ICCA 10. (2010). Book of Abstracts. Institute Fur Deutsche Sprache, 2010.
- Laurier E., Lorimer H., Noble A. et al.* (2008). Driving and «passenger»: notes on the ordinary organization of car travel // *Mobilities*. 2008. Vol. 3. № 1. P. 1–23.
- Laurier E.* (2003). Technology and mobility // *Environment and Planning A*. 2003. Vol. 35. № 9. P. 1521–1527.
- Lynch M.* (2011). Commentary: on understanding understanding // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. № 4. P. 553–555.
- Macbeth D.* (2011). Understanding understanding as an instructional matter // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. № 4. P. 438–451.
- McIlvenny P., Broth M., Haddington P.* (2009). Communicating place, space and mobility // *Journal of Pragmatics*. 2009. Vol. 41. № 10. P. 1879–1886.
- Mondada L.* (2011). Understanding as an embodied, situated and sequential achievement in Interaction // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. № 4. P. 542–555.
- Schegloff E.A., Sacks H.* (1973). Opening up closings // *Semiotica*. 1973. Vol. 8. № 4. P. 289–327.
- Sheller M., Urry J.* (2006). The new mobilities paradigm // *Environment and Planning A*. 2006. Vol. 38. № 2. P. 207–226.
- Stivers T.* (2005). Modified repeats: one method for asserting primary rights from second position // *Research on Language and Social Interaction*. 2005. Vol. 38. № 2. P. 131–158.
- Stivers T.* (2011). Morality and question design: «of course» as contesting a presupposition of askability // *The morality of knowledge in conversation* / Ed. by T. Stivers, L. Mondada, J. Steensig. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 82–106.

19. Все заинтересованные в изучении взаимодействия в самых различных контекстах, а также в разнообразной деятельности СА- и ЭМ-сообществ, могут заглянуть на страничку общества, а также стать его членом.

Stivers T., Mondada L., Steensig J. (Eds.). (2011). *The morality of knowledge in conversation.*

Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Urry J. (2000). *Sociology beyond societies.* London: Routledge, 2000.

Urry J. (2007). *Mobilities.* Oxford: Polity Press, 2007.

Whalen M., Zimmerman D. (1990). Describing trouble: practical epistemology in citizen calls to the police // *Language in Society.* 1990. Vol. 19. № 4. P. 465–492.